

Н. Скатов

«...Вновь я посетил...»

В 1835 году Пушкин написал стихи: «...Вновь я посетил...». Вспомним «юную» «Деревню». Она начиналась как бы с чистого листа, вся обращалась только к будущему. «...Вновь я посетил...» вырастает из прошлого. Уже первой своей фразой оно обращено назад, а отточие, начинающее ее, — пояснение того, сколь много прошло времени, сколь многое предшествовало этим вошедшим в поток времени фактам и словам.

«...Вновь я посетил...» — это через шестнадцать лет и наново написанная «Деревня». Если говорить о биографии поэта и о творческой истории стихов, то Пушкин вспоминает свою ссылку в Михайловское в 1824–1826 годах. Тем не менее поэтическим фоном здесь стала более ранняя «Деревня». Знак такой связи дан сразу. Там:

Приветствую тебя, пустынный уголок...

Здесь:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли...

«Деревню» писал юный лирик, и подвижное лирическое чувство находило выражение в вольных ямбах. «...Вновь я посетил...» пишет мудрый эпик, и в «эпическом» пятистопном ямбе, принятом Пушкиным в собственно эпических произведениях, в эпической драме, находит выражение сосредоточенная дума. Вот почему так много переносов, фраз, не заканчивающихся в стихотворных строках, а идущих сплошным потоком, где все со всем сцеплено и слито.

«Юная» «Деревня» как бы вне времени. В стихотворении мудреца «...Вновь я посетил...» время безраздельно властвует с самого начала:

...где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо...

Я — уже другой, и я — тот же. *Два года... десять лет...* Какая точность! Это не даты и факты просто пушкинской биографии, но — человеческой.

Пушкин обращается к пейзажу «Деревни» и как бы переписывает его:

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

Уже написанную картину «иных волн» поэт оставил в черновике. Отвлекалась, уводилась в сторону главная мысль, связанная именно с этим деревенским пейзажем: он — тот же и уже — другой.

Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно синее стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...

В «Деревне» два плана, две картины, «карамзинская» и «радищевская», были разделены и противопоставлены. Здесь они совместились и слились в одно. Дело здесь не в том только, что ушли нарядность и праздничность: скажем, появилось *синее* озеро вместо *лазурного*. Картина обрела глубину. Два образа: «рыбарь» в картине «довольства и труда» и «рабство тощее» — сомкнулись. Появилось третье: «плывет рыбак и тянет за собою убогий невод». На месте «мельницы крылаты» оказалось «скривилась мельница, насилу крылья / Ворочая при ветре». Деталь точно повторена, но совершенно переосмыслена. Образ скривившейся мельницы тоже засвидетельствовал течение времени. Но существеннее то, что поэт выразил взгляд на мир, в котором все взаимосвязано и соединено. Незадолго до создания стихотворения Пушкин в письме Наталье Николаевне от 25 сентября 1835 года писал:

«Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а все потому, что не спокоен. В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу».

Это письмо обычно называют зерном, наброском, даже программой пушкинского стихотворения, его лирической темой. А между тем все наоборот. В письме — раздражение («молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть...»), в стихах — приятие и благословление («Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!»). Пушкин не включил в окончательный текст ни разработанного в двух вариантах рассказа о няне, который должен был занять такое большое место в начале стихотворения, ни окончания стихотворения — подробного рассказа о своей судьбе. Поэт убрал все, что переводило произведение в описание его жизни и жизни Арины Родионовны. Образ няни оказался связан с другим, глубоким и главным, началом стихотворения: прошлое («Уже старушки нет...») осмыслено как будущее — меня тоже не будет.

На место некоего граждански осмысленного «друга человечества» пришел частный человек, но частный человек, решающий общую проблему.

Разрешение и гармония у Пушкина никогда не совершаются за счет отказа от своего человеческого я, от своих прав.

И здесь есть приятие мира, мира природы и мира людей, будущих поколений в удивительной слитности. Вот почему знаменитое пушкинское обращение к зеленому поколению сосен: «Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!» — новые человеческие поколения неизменно воспринимают как прямо к себе обращенное, хотя никакой аллегории в стихотворении нет. Но происходит это приятие общего не в его общем абстрактном виде, а через свое, через личное:

Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи...

Это о внуке. А до этого поэт скажет о себе: «...На границе владений дедовских... Я проезжал». Он — внук — своего деда. И у него будет внук.

Как и в «Деревне», в стихах «...Вновь я посетил...» остался мотив будущего. Но это будущее уже не отвлеченная «прекрасная заря». Теперь прошлое, настоящее и будущее сближены, взаимопроникнуты. И только если прошлое не прошло для настоящего, появляется залог того, что и настоящее не отменится в будущем:

И обо мне вспомнят.